

Митрополит Иларион: В нынешних условиях глобального мира иностранные языки являются большим богатством

14 декабря 2013 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стала ректор Московского государственного лингвистического университета Ирина Халеева.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры. Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить об изучении иностранных языков, для чего это нужно и нужно ли, в частности, церковному человеку, священнослужителю. У меня в гостях – доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования, ректор Московского государственного лингвистического университета Ирина Халеева. Здравствуйте, Ирина Ивановна.

И. Халеева: Здравствуйте, Владыка. Спасибо большое, что пригласили меня на Вашу передачу. Этот вопрос по-прежнему актуальный и чрезвычайно важный. Мне бы хотелось услышать Ваше просвещенное мнение относительно роли и места лингвистики, иностранных языков, а значит, и коммуникации, в богословском дискурсе и церковном мире. Вопрос не праздный, поскольку я не первый год знаю Вас как чрезвычайно образованного человека – не только как композитора и музыканта, но и известного во всём мире богослова. Я знаю, что Вы владеете английским и другими иностранными языками на таком же уровне, как владеете родным русским языком. Поэтому у меня к Вам вопрос (а потом и я на него отвечу, как сама понимаю): все ли священники Московского Патриархата владеют иностранными языками, и почему это может быть так значимо именно для священнослужителя?

Митрополит Иларион: Священнослужитель в наше время – это не просто человек, который должен уметь покрестить, повенчать и отпеть, но и публичная фигура. Это человек, который должен общаться с людьми, в том числе и разных национальностей. Ни один священник не застрахован от того, что к нему придёт на исповедь человек, не владеющий русским языком. Конечно, от священнослужителя нельзя требовать, чтобы он владел всеми возможными иностранными языками, - это нереально. Но ведь неслучайно во всех духовных семинариях преподаются сегодня иностранные языки – не только древние, на которых мы читаем Священное Писание или творения святых отцов, но и новые языки, на которых мы разговариваем. И неслучайно мы сегодня требуем, чтобы все священники имели, как минимум, семинарское

образование, а это значит, что для каждого нашего священника нормой должно стать владение хотя бы одним иностранным языком. Конечно, от нормы до реальности есть некоторое расстояние, и зачастую у семинаристов возникает вопрос: «А зачем мне вообще английский язык? Я что, буду на нем с бабками в деревне разговаривать?»

Но, во-первых, на мой взгляд, сам такой подход ошибочен, потому что сегодня ты служишь в деревне, а завтра можешь оказаться в городе, сегодня ты общаешься только с узким кругом людей, а завтра тебя могут пригласить на телевидение. У нас есть священники, которые служат за рубежом, и если у тебя есть возможность говорить на иностранном языке, то открывается дополнительное миссионерское поле.

Но самое главное (я это могут сказать по своему опыту), что каждый новый язык – это не просто набор слов и понятий, а совершенно новый мир, это литература, это способность формулировать мысли, причем совершенно по-иному, чем мы это делаем на своем родном языке. Таким образом, открывается еще один горизонт. Каждый новый язык – это возможность погрузиться в новую культуру, расширить свой кругозор. В конечном итоге, я по своему опыту могу сказать, что изучение иностранных языков влияет и на то, как мы подходим к своему языку. Мы совершенно по-другому начинаем говорить по-русски, когда владеем иностранными языками.

И. Халеева: Спасибо большое, Владыка. Можно следующий вопрос?

Митрополит Иларион: Пожалуйста, но Вы обещали поделиться своими соображениями.

И. Халеева: Как раз начну с этого. Учебное заведение, ректором которого я являюсь, носит название «Московский государственный лингвистический университет». Лингвистика в нашем случае означает обучение, как минимум, двум языкам по всем направлениям подготовки. Наши студенты овладевают пятью языками (тремя неживыми и двумя современными). И шестой – это родной, русский. Поэтому я вижу огромную значимость знания языков.

Лет двадцать назад моей светлой мечтой было, чтобы студенты университета имели представление о теологии. Вам знаком наш университет, и Вы знаете, что мы, слава Богу, благодаря Патриархии и лично Вам отреставрировали храм святой равноапостольной Марии Магдалины. Теперь в нем совершаются службы...

В этой связи у меня вопрос. В образовательный стандарт по теологии входит много специальных дисциплин, в том числе такие курсы, как патристика, теория библеистики. На каком языке нужно изучать, например, труды отцов Церкви, если мы говорим о патристике? Насколько мне известно, в XIX и XX веке Русская Православная Церковь вынуждена была прибегать к переводам с

немецкого, французского, английского языков. Может быть в то время не владели иностранными языками или владели в недостаточной степени, поэтому нужно было сделать более доступными эти тексты для более широкой публики... С этой точки зрения, насколько правы мы, изучая по тем направлениям, по тем дисциплинам, которые я обозначила, не переводы текстов, а первоисточники?

Митрополит Иларион: Я должен сказать, что в дореволюционных духовных семинариях и академиях уровень изучения языков был гораздо выше, чем сейчас. Парадоксально, но это факт, который очень легко доказуем. Достаточно, скажем, обратиться к диссертациям студентов того времени и увидеть, сколь широким спектром иностранных источников они пользовались. Считалось само собой разумеющимся, что святых отцов надо читать на языке оригинала, что Новый Завет следует изучать на греческом языке, а Ветхий Завет – на древнееврейском или арамейском языке. Соответствующие курсы, причем на очень высоком уровне, проводились в духовных академиях и семинариях, как и курсы новых языков. В этом плане то, что мы пытаемся делать сейчас в Общецерковной аспирантуре, где я являюсь ректором, в наших духовных академиях, в Свято-Тихоновском гуманитарном университете, в Российском православном университете, – это попытка восстановить традиции, которые у нас были утрачены.

А для чего это нужно? Прежде всего, для работы с источниками, потому что Священное Писание, действительно, было написано на конкретных языках. Мы не можем до конца понять смысл тех или иных слов Священного Писания, тех или иных фрагментов, если не ознакомимся с ними в оригинальном источнике. Только оригинальный язык, причем владение этим языком не просто на уровне чтения со словарем, а на таком уровне, который дает возможность оценить контекст, в котором появился тот или иной текст, историческую ситуацию, бытование этого текста в рукописной традиции, – то, что мы называем лингвистикой в широком смысле слова – даёт возможность качественно и профессионально подходить к священному тексту. Здесь мы говорим о науке, что именуется библейской критикой и занимается изучением того, как тот или иной текст передавался из поколения в поколение – сначала при помощи рукописи, а потом печатных изданий. Эта наука получила широкое и всестороннее развитие в XIX – XX веке, развивается и сейчас. Опять-таки, без знания древних языков, а также без знания новых языков, на которых написаны научные труды по библейской критике, мы не можем адекватно воспринимать священные тексты, компетентно их толковать.

Если вернуться к теме иностранных языков, то я хотел бы задать Вам вопрос: какой основной метод их изучения (давайте возьмем живые языки) используется в вашем университете? Мне, к сожалению, почти не довелось изучать языки на такой стабильной, университетской основе. Какой метод у вас употребляется и какой считается, скажем так, наиболее эффективным?

И. Халеева: Если говорить о специалистах – выпускниках нашего университета, то для них необходимы углубленное изучение, погружение в сами основы языка, культуру, ментальность. У нас в университете существует научная теория, которая называется «теория вторичной языковой личности». Мы не ставим перед собой задачу из русского сделать англичанина, немца, грека и так далее, но стараемся в высшей степени развить его вторичное языковое и концептуальное сознание. Это чрезвычайно важно, и, наверное, на церковном поле это еще более важно.

Мы стараемся, не допуская коммуникативных сбоев, через самостоятельную работу, с помощью новых технологий держать студентов в этом постоянном погружении. Языковая среда набирается с течением времени, от занятия к занятию. Важна именно ментальность, я имею ввиду погружение в умственный мир, в сознание партнёра по иноязычной коммуникации.

Митрополит Иларион: Теория вторичной языковой личности для меня до настоящего момента была неизвестна.

И. Халеева: Я Вам пришлю свою книгу.

Митрополит Иларион: Спасибо. Но мне кажется, что я сам изучал языки в соответствии с этой теорией, по крайней мере так, как Вы ее сейчас изложили, потому что для меня, скажем, английский был не просто языком, а среда, в которую я действительно погрузился, вплоть до того, что когда я на этом языке читал и писал, то начинал на нем и думать. Для меня вопрос перевода уже не стоял, то есть я осваивал именно эту среду.

Вы прекрасно знаете, что язык – это не просто набор слов, а, прежде всего, способ самовыражения, идиоматика, то есть знание различного рода сочетаний слов, которые, как правило, в разных языках совершенно не совпадают друг с другом. Более того, почти у каждого слова, если только оно не относится к бытовым предметам (например, стул или стол), есть спектр понятий, который только частично может совпадать в разных языках. Поэтому наложение одного языка на другой может быть лишь очень приблизительным.

Отсюда и возникают проблемы, связанные с переводом, в том числе переводом священных текстов, так что никогда один и тот же священный текст не будет совершенно одинаково восприниматься людьми, читающими его на разных языках.

Думаю, подводя итог нашей беседы, мы с Вами согласимся и надеюсь, с нами будут согласны также телезрители, что в нынешних условиях глобального мира, когда почти для каждого из нас открыта возможность посещения других стран, общения с людьми иных культур, иностранные языки являются очень большим богатством. Я надеюсь, что наши телезрители, в том числе и

верующие, которых среди них очень много, будут особо внимательно относиться к тому, чтобы дать полноценную возможность изучать иностранные языки своим детям. Ведь, как показывает опыт, именно в детском и юношеском возрасте языки усваиваются, во-первых, легче всего, а во-вторых, безболезненно.

Но в то же время хотел бы предостеречь наших телезрителей от такого увлечения иностранными языками, которое иной раз приводит к забвению своего собственного языка. Так, порой родители отправляют своих детей за границу, в иноязычную школу, а потом они не могут вернуться обратно на родину, поскольку перестают нормально и естественно говорить на родном языке. Я думаю, что наша общая задача заключается в том, чтобы уберечь детей от этих крайностей, дать им возможность полноценного развития, но при этом сохранить их для нашего Отечества.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/51931/>